

УДК 81'37 : 81'255.2

ББК 81.032

Н 59

Нечай Ю.П.

Доктор филологических наук, профессор кафедры общего и славяно-русского языкознания Кубанского государственного университета, e-mail: nechay_ur@mail.ru

Цепордей О.В.

Кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Государственного морского университета им. адмирала Ф.Ф. Ушакова, e-mail: toks812210@mail.ru

**Модальность в художественных текстах романов Э.М. Ремарка
и способы ее передачи в русских переводах
(Рецензирована)**

Аннотация:

На материале художественной прозы Э.М. Ремарка рассматривается семантико-функциональная специфика метафорических образований и сравнений, выполняющих в языке оригиналов и их переводов на русский язык образно-характеризующую функцию, путем перенесения признаков одного предмета (явления) на другой предмет (явление), что позволяет с большей эффективностью и эмоционально-экспрессивной достоверностью передать замысел писателя и его субъективное положительное или отрицательное отношение к изображаемому.

Ключевые слова:

Метафорические образования и сравнения, модальность, семантико-функциональные особенности, языковая культура, адекватный перевод, описательный перевод, образно-характеризующая функция.

Nechay Yu.P.

Doctor of Philology, Professor of Department of General and Slavic-Russian Linguistics, Kuban State University, e-mail: nechay_ur@mail.ru

Tsepordey O.V.

Candidate of Philology, Associate Professor of Department of Foreign Languages, State Maritime University named after Admiral F.F. Ushakov, e-mail: toks812210@mail.ru

**Modality in fiction texts of E.M. Remarque's novels
and ways of its transfer in Russian translations**

Abstract:

A material of fiction prose by E.M. Remarque is used to examine semantic-functional specificity of metaphorical structures and comparisons that perform an image-characterizing function in the original language and their translations into Russian by transferring attributes of one object (phenomenon) to another object (phenomenon). This enables the writer to convey the idea and subjective positive or negative attitude towards the depicted with greater efficiency and emotional and expressive believability.

Keywords:

Metaphorical structures and comparisons, modality, semantic and functional features, language culture, adequate translation, descriptive translation, image-characterizing function.

Категория модальности является, как известно, центральной категорией художественного текста, обуславливающей особенности реализации многих других текстовых категорий.

При переводе художественного произведения переводчик неизбежно сталкивается с необходимостью решения проблемы передачи модальности в художественном тексте. Например, одно из существенных различий между немецкими оригинальными текстами романов Э.М. Ремарка и их переведенными русскими вариантами проявляется, по нашим наблюдениям, в выражении модальных значений действительности, вероятности, необходимости и разных субъективных установок говорящих (согласие, несогласие, возражение, предположение, сомнение, удивление, желание, уверенность). Наличие в принципе одинаковых средств выражения модальности (в данном исследовании, ограниченном нормативными объемами, – это метафора и сравнения) как в текстах оригиналов, так и в текстах их переводов на русский язык не приводит, однако, к параллелизму использования этих средств.

Метафора как один из образных и одновременно известных еще со времен Аристотеля [1] тропов всегда модальна, т.к. отражает как отношение к тому, о чем сообщается, так и отношение сообщаемого к действительности, индивидуализирует речь и концентрирует в себе непосредственное авторское отношение к действительности. Г.П. Немец, рассматривая вопросы модальности, подчеркивает ее тесную связь с метафорой, поскольку в широком смысле слова это явление включает в себя отношение к тому, о чем сообщается, а также отношение сообщаемого к действительности; «употребление слова в переносном смысле – это уже ввод нового аспекта модального отношения, приспособление уже известного понятия для нужд выражения данного отношения» [2: 294].

Метафоризация в немецком и рус-

ском языке зависит от тех образов, которыми оперирует определенная языковая культура. Известно, что при переводе слова не сохраняют переносный смысл языка-оригинала, поскольку каждому языку присущи свои образные выражения, например:

«*Schon wieder essen?*»

Steiner nickte. «Schon wieder. Etwas ungewöhnt, was? Du bist unter Künstlern; da herrschen die bürgerlichsten Sitten der Welt. Es gibt sogar nachmittags eine Jause. Kaffee und Kuchen.»

«*Ein Schlaraffenland!*» *Kern kroch aus einer Gondel vor, die von einem Walfisch gezogen wurde* (Remarque. *Liebe Deinen Nächsten*).

– *Что – опять есть?*

– *Опять. Немного непривычно, правда? Ты возвращаешься среди людей искусства, здесь господствуют мировые буржуазные нравы. После обеда будет еще и полдник. Кофе с пирожными.*

– *Прямо как в сказке! – Kern вылез из гондолы, которую тянул кит* (Пер. Е. Никаева).

– *Что – опять есть?*

– *Да, опять. Немного непривычно, да? Но ведь ты живешь среди артистов. Здесь господствуют самые что ни на есть буржуазные обычаи. Даже между обедом и ужином сервируется полдник – кофе с пирогом.*

– *Ну, прямо страна молочных рек с кисельными берегами! – Kern выполз из-под гондолы, влекомой китом* (Пер. И. Шрайбера).

В контексте модальность высказывания Керна и его экспрессивное утверждение, выраженное метафорическим тропом *ein Schlaraffenland* / *сказочная страна*, передается на русский язык по-разному. Е. Никаев стремясь к семантической и модальной адекватности, употребляет вместо метафоры сравнение, поскольку подбор семантического эквивалента для представления данного тропа в русском варианте вызывает некоторое за-

труднение. Русский вариант И. Шрайбера предлагает описательный перевод, который по образности и экспрессивности более адекватен оригиналу.

Следует отметить, что «не всякий образ есть метафора, но всякая образная мысль тяготеет к метафоричности, тяготеет к сопряжению далеко отстоящих явлений, тяготеет к взаимному отражению явлений друг в друге» [3: 23], например:

Dicht hinter uns unsere Freunde. Tjaden, ein magerer Schlosser; so alt wie wir, der größte Fresser der Kompanie. Er setzt sich schlank zum Essen hin und steht dick wie eine schwangere Wanze wieder auf (Remarque. Im Westen nichts Neues).

Сразу же за нами стоят наши друзья: Тьяден, слесарь, тщедушный юноша одних лет с нами, самый прожорливый солдат в роте – за еду он садится тонким и стройным, а поев, встает пузатым как насосавшийся клоп (Пер. Ю. Афонькина).

Характеризуя героя своего романа, Э.М. Ремарк употребляет метафорический оборот (он *садится тонким и стройным / setzt sich schlank zum Essen hin*) с последующим употреблением сравнения (встает *пузатым как насосавшийся клоп / dick wie eine schwangere Wanze*). В данном случае реализация модальности осуществляется как раз за счет метафоры и сравнения на метафорической основе. Внимательное наблюдение позволяет отметить, что метафора как бы пронизывает весь контекст, выполняя широкий спектр функций, в том числе эстетическую, познавательную, характеризующую и текстообразующую. Можно отметить и предельную аккуратность перевода, а также адекватность как модального, так и экспрессивного оттенков оригиналу.

Нельзя не отметить и того, что проблема влияния экстралингвистического контекста находится в непосредственной связи с проблемой выделения некоего признака, на основе которого осуществляется метафорический перенос. При этом для понимания подобного рода ме-

тафор не требуется особого культуроведческого комментария. Одно и то же явление действительности вызывает в воображении представителей разных языков и иные картины, например:

Kern drehte sich um. Dabei stieß er jemand an. /.../ «Entschuldigung», sagte Kern. «Ich habe Sie nicht gesehen...»

Der Mann antwortete nicht. Kern bemerkte, daß er die Augen offen hatte. Er kannte die Art von Zuständen; er hatte sie oft unterwegs gesehen. Es war am besten, den Mann in Ruhe zu lassen.

«Verdammt!» schrie plötzlich in der Ecke der Kartenspieler das Poulet auf. «Ich Ochse! Ich unerhörter Ochse!»

«Wieso?» fragte Steiner ruhig. «Die Herzdame war genau richtig!»

«Das meine ich ja nicht! Aber dieser Russe hätte mir doch mein Poulet schicken können! Herrgott, ich dämlicher Ochse! Ich einfach wahnsinniger Ochse!» (Remarque. Leibe Deinen Nächsten)

Керн повернулся. При этом он толкнул кого-то и невольно открыл глаза. /.../ – Извините, – сказал Керн. – Я вас не видел...

Человек промолчал. Керн заметил, что глаза его открыты. Подобное душевное состояние было ему знакомо. Он наблюдал его уже не впервые. В таких случаях лучше всего оставить человека в покое.

– Вот проклятие! – внезапно вскрикнула курица, игравшая в карты. – Какой же я осел! Таких ослов еще поискать!

– Почему? – спокойно спросил Штайнер. – Вы пошли королевой червей, это совершенно правильно.

– Да я не о том! Ведь этот русский мог бы мне прислать мою курицу! Господи, какой же я жалкий осел! Просто невиданно тупой осел! (Пер. И. Шрайбера)

Керн повернулся, задел кого-то и открыл глаза. /.../

– Извините, – сказал Керн, – я вас не заметил.

Человек не ответил. Невидящими глазами он уставился на Керна. Тому было знакомо это состояние. Этого человека лучше всего было оставить в покое.

– Проклятие! – донесся вдруг из угла картежников голос Цыпленка. – Какой я осел! Какой я неслыханный осел!

– Почему? – спокойно спросил Штайнер. – Дама червей как раз и играла!

– Да я не об этом! Ведь этот русский мог бы мне переслать моего цыпленка! О, боже! Какой я осел! Просто настоящий осел! (Пер. Е. Никаева)

Контекст оригинала и его переводы на русский язык являются ярким подтверждением вышесказанного. Лексема *Ochse* в немецком языке означает «бык» или «вол». В переносном же значении немец связывает семантику этого слова с бранным понятием *дурак*, *болван*. Поэтому для передачи модальности и экспрессивности оригинала в русском языке эта лексема не подходит, поскольку «... не существует переводных текстов со стопроцентным покрытием лексем исходного текста их прямыми соответствиями» [4: 259].

В русских контекстах обоим переводчикам удалось сохранить авторскую модальность и экспрессивность оригинала, тем не менее, перевод И. Шрайбера несколько выигрывает по уровню экспрессивной наполняемости за счет привлечения дополнительных интенсификаторов, например, модальной частицы *же*, прилагательного *жалкий* и синтаксического построения. Структура расположения простых предложений позволяет как самому автору выразить свое отношение к происходящему, так и переводчикам сохранить модальность и экспрессивность фрагмента в русском языке.

В языке художественных произведений Э.М. Ремарка довольно часты случаи представления с помощью метафоры отрицательных черт персонажей, например, в последующем контексте экспрессивное отрицание выражается как раз при помощи метафоры *Plättbrett / доска* и

сравнения *wie ein Truthahn / словно у индюка*, с целью выражения модального отношения самого автора, так и экспрессивной экспликации равнодушия, эгоизма и злого характера человека:

...eine dürre Frau, die einen Hals wie ein Truthahn hatte. Aber dieses unfruchtbare Plättbrett da draußen lebt. Wird wahrscheinlich steinalt zum Ärger der Mitmenschen (Remarque. Liebe Deinen Nächsten).

...тощая женщина с шеей, словно у индюка. ...А вот эта бесплодная доска живет. И будет жить назло своим современникам, по всей вероятности, до глубокой старости (Пер. Е. Никаева).

...тощая женщина с шеей, как у индейки. ... А вот эта бесплодная гладильная доска живет и, вероятно, доживет до глубочайшей старости. К великому огорчению ближних (Пер. И. Шрайбера).

Сравнение модальности и экспрессивных оттенков русских вариантов перевода с немецким оригиналом позволяет отдать предпочтение контексту И. Шрайбера, представленному более экспрессивным метафорическим отрицанием, благодаря использованию в нем дополнительного интенсификатора – прилагательного «гладильная».

Анализ художественных текстов романов свидетельствует о том, что в них широко распространенным образным художественным средством выступает и сравнение, которое трансформируется как единицами синтаксического, морфологического и лексического уровней языка, так и другими способами. Например, морфологический уровень в романе чаще всего образуют степени сравнения прилагательных, синтаксический уровень создают группы сравнения и сложноподчиненные предложения с определенными союзами, лексический уровень образуется сложными прилагательными. Случаи выражения сравнения, по нашим наблюдениям, отмечаются разными способами как эксплицитными, так и имплицитными. «Сравнение модально по своей онто-

логической сущности..., сравнительная модальность может рассматриваться как необходимый и важный аспект языкового (речевого) общения» [5: 288].

Поскольку в основе образного представления, выраженного сравнением, лежит сопоставление разных предметов, явлений действительности на основе сходства их признаков, постольку модальное отношение будет зависеть от объекта сравнения, т.е. от того, с чем сравнивается субъект. Причем это утверждение касается как свободных (индивидуально-авторских), так и устойчивых (традиционных, стереотипных, эталонных) сравнений.

В качестве главного формального различия метафоры и сравнения в немецком и русском языках является отсутствие развернутой структуры и связующего элемента, союза *wie, als / как*. Элемент, связывающий уподобляемые объекты, делает акцент на частичном характере сходства сравниваемых объектов и тем самым препятствует утверждению полной взаимозаменяемости понятий.

Проведенные нами исследования использования в художественных текстах романов Э.М. Ремарка устойчивых и индивидуально-авторских сравнений позволяют сделать вывод, что эталоном сравнения чаще всего становятся объекты, явления мира природы и сам человек, например:

Wie große Flamingos schwammen die Wolken am apfelgrünen Himmel und behüteten zwischen sich die schmale Sichel des zunehmenden Mondes. Ein Haselnußstrauch hielt Dämmerung und Ahnung in seinen Armen, rührend kahl und schon voll Knospenhoffnung (Remarque. Drei Kameraden).

Словно огромные фламинго, проплывали облака в яблочно-зеленом небе, окружая узкий серп молодого месяца. Куст орешника скрывал в своих объятиях сумерки и безмолвную мечту. Он был трогательно наг, но уже исполнен надежды, таившейся в почках (Пер. И. Шрайбера и Л. Яковенко).

Огромными фламинго передвигались по яблочно-зеленому небу облака, бережно окутывая узкий серп молодого месяца. Куст орешника держал в своих объятиях сумерки и тайну; он был трогательно наг, но уже полон надежды, зреющей в почках (Пер. Ю. Архипова).

На яблочно-зеленом небе, словно огромные фламинго, плыли облака, нежно оберегая мелькавший между ними молодой месяц. На ветках куста орешника было какое-то предощущение утренней зари. Орешник был трогательно наг, но полон надежд на близящееся набухание почек (Пер. И. Шрайбера).

Такое употребление тропа позволяет придать предложению возвышенность и поэтичность, как нельзя глубже отобразить причудливые размеры и красоту проплывающих облаков. Несомненно и модальная сущность данного тропа. Э. М. Ремарк не жалеет красок для того, чтобы создать яркий и захватывающий пейзаж опускающейся на землю вечерней зари. Поэтому читателю трудно как устоять перед мастерством автора, так и не проникнуться симпатией к способности писателя так тонко и глубоко чувствовать окружающий нас мир природы.

А теперь обратимся к переводу. Прежде всего, приходится констатировать факт абсолютной тождественности всех вариантов. Переводчики подошли по-разному к трансформации данного тропа на русский язык. У И. Шрайбера и Л. Яковенко перевод представлен адекватно оригиналу развернутым сравнением, а Ю. Архипов представляет его гиперболизированным зоонимом *огромными фламинго*. Предложение в его переводе не потеряло при этом своей первоначальной выразительности. Используемый троп достаточно экспрессивен и адекватен оригиналу.

В последующем примере незамысловатые на первый взгляд тропы выполняют, тем не менее, важную семантическую и экспрессивную роль:

Am Tisch des Landgerichtsrats Epstein

safß eine gedunsene Jüdin. Sie hielt die Hände gefaltet und starrte Epstein, der salbungsvoll dozierte, an wie einen unzuverlässigen Gott (Remarque. Liebe Deinen Nächsten).

За столиком земельного советника юстиции Эпштайна сидела еврейка с опухшим лицом. Сложив руки, она взирала на вещавшего что-то и сугубо авторитетного Эпштайна, как на бога, которому все же доверяться не стоит (Пер. И. Шрайбера).

За столом судебного советника Эпштейна сидела одутловатая еврейка. Скрестив руки, она уставилась на Эпштейна, как на ненадежное божество. Тот зычно и отчетливо объяснял ей что-то (Пер. Е. Никаева).

Обладая эмоционально-оценочной характеристикой и выполняя модальную функцию, троп прямо и недвусмысленно выражает отношение говорящего к субъекту высказывания, а именно – негативно-ироническое отношение автора к авторитетному Эпштайну, которому все же доверяться не стоит. Оказалось достаточно уже одного сравнения, чтобы ассоциативно вызвать к нему у читателя соответствующее отношение.

В анализируемом примере имеет место и другое сравнение – *волосатая рука Эпштейна рядом с ними была, словно большой паук*. Этот троп намного экспрессивнее. Использование этого образного выражения в составе предложения говорит о многом. Прежде всего, он свидетельствует о двойственном характере безупречного на первый взгляд Эпштайна.

Мы полагаем, что И. Шрайберу удалось более точно трансформировать на русский язык сравнение *Сложив руки, она взирала на вещавшего что-то и сугубо авторитетного Эпштайна, как на бога, которому все же доверяться не стоит* и, тем самым, максимально придать ему как модальный, так и экспрессивный оттенки оригинала.

Метафорические образования и сравнения, выполняющие образно-

характеризующую функцию, используют также и принцип перенесения признаков одного предмета на другой, что позволяет представить более экспрессивно как утверждение, так и отрицание. Так, в следующем примере усиление отрицания достигается путем сравнения «пива» и «льда»:

Wenn das Bier nicht frisch und eiskalt ist», erklärte der Sohn des Senatspräsidenten dem Kalfaktor, «säge ich dir einen Fuß ab» (Remarque. Liebe Deinen Nächsten).

Если пиво будет не свежее и не холодное, как лед, я отпилю тебе ногу, сказал кальфактору сын сенатора (Пер. Е. Никаева).

Если пиво не будет свежим и холодным, как лед, – обратился сын президента сената к служителю, – я отпилю тебе ступню (Пер. И. Шрайбера).

Как видно из примеров, Э.М. Ремарк использует одно отрицание *nicht* на два прилагательных *frisch* и *eiskalt*. И. Шрайбер соблюдает эту особенность стиля писателя при передаче модального и экспрессивного отрицания. Е. Никаев же использует два отрицательных средства к каждому прилагательному – *не свежее* и *не холодное*, что приводит к искажению семантического строя предложения.

Наши наблюдения дают основание полагать, что метафорические образования и сравнения, выполняющие в языке художественных произведений писателя и их переводов на русский язык образно-характеризующую функцию, путем перенесения признаков одного предмета (явления) на другой предмет (явление), что позволяет с большей эффективностью и эмоционально-экспрессивной достоверностью передать замысел писателя и его субъективное положительное или отрицательное отношение к изображаемому.

Результаты наших наблюдений свидетельствуют о том, что многие из образных сравнений и метафор языка оригинала, задействованные при описании психологических особенностей воспри-

ятия человеком окружающего мира, эквивалентно воспроизведены на русском языке в семантическом, контекстуальном и структурном отношении. Между тем, иногда встречаются и случаи как слишком вольного, так и буквального перевода отдельных фрагментов, что приводит часто к утрате эмоционального оттенка.

Примечания:

1. Аристотель. Аналитика. М., 1952.
2. Немец Г.П. Семантико-синтаксические средства выражения модальности в современном русском языке. Ростов н/Д, 1989. 144 с.
3. Бореев Ю. Теория отражения и природа образного мышления // Вопросы литературы. 1969. № 9. С. 25-29.
4. Макарова Л.С. Явление смысловой дисперсии и художественная трансформация образа в поэтическом переводе (на материале русского и французского языков) // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. Филология и искусствоведение. 2012. Вып. 2 (99). С. 258 – 261.
5. Немец Г.П. Семантика метаязыковых субстанций. М.; Краснодар, 1999. 742 с.

References:

1. Aristotle. Analytics. M., 1952.
2. Nemets G.P. Semantic and syntactic means of modality expression in the modern Russian language. Rostov-on-Don, 1989. 144 pp.
3. Boreev Yu. Theory of reflection and nature of creative thinking. Problems of literature. 1969. No. 9. P. 25-29.
4. Makarova L.S. Phenomenon of semantic dispersion and literary transformation of an image in poetic translation (based on the Russian and French languages). Maikop, 2012. P. 258 - 261.
5. Nemets G.P. Semantics of metalinguistic substances. M.; Krasnodar, 1999. 742 pp.